

УДК 297

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПО ВЫРАБОТКЕ МЕР ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТАТАРСКО-МУСУЛЬМАНСКОМУ ВЛИЯНИЮ В ПРИВОЛЖСКОМ КРАЕ 1910 ГОДА

И.К. Загидуллин, доктор исторических наук

Поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг., развеявшее миф о могуществе и непобедимости России и ударившее по незыблемому авторитету самодержавия, и начавшаяся в 1905 г. Первая российская революция обусловили новые явления в политической и общественной жизни страны.

В новой общественно-политической ситуации поликонфессиональный состав государства вмиг превратился в фактор, таивший угрозу распада империи. Невиданный до тех пор подъем национальных движений указывал на необходимость оперативного решения возникающих проблем. Национальные лозунги о территориальной автономии в Польше и Финляндии стали популярны на Украине и, частично, в Грузии. В условиях гласности и обсуждения законопроектов в Государственной думе многие начинания правительства становились достоянием гласности, что лишь способствовало поляризации мнений в обществе в этой деликатной сфере.

«Высочайший» указ Сенату от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», которым властным структурам было предписано принять в административном порядке меры к устранению имеющихся в их религиозном быте «стеснения»¹, вызвал петиционную кампанию мусульман с

требованием отмены различных притеснений в Волго-Уральском регионе. Лейтмотивом большинства прошений мусульман стали вопросы предоставления свободы вероисповедания, уравнивания их в правах с русским населением империи и т.д.

Императорский указ «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. ознаменовал новую эпоху развития межконфессиональных отношений в России. Впервые в истории империи было публично объявлено о предоставлении каждому российскому подданному свободы вероисповедания².

На фоне ускоренной секуляризации российского общества церковнослужителям показалось, что РПЦ теряет свои многовековые устои в сфере христианского просвещения. Бессилие миссионерских кругов вызывало соответствующую реакцию, раздражение и обращения к правительству за поддержкой и содействием. Синод своим определением от 30 января 1906 г. предписал архиереям предпринять меры к укреплению православия в «инородческих епархиях» Восточной России и «улучшению постановки вообще миссионерского дела»³.

В период Первой российской революции рассмотрение и обсуждение нужд мусульманского населения фактически ограничилось созывом Осо-

бого вневедомственного совещания по делам веры (29 ноября 1905 г. – 28 мая 1906 г.) под председательством члена Государственного Совета, генерал-адъютанта А.П.Игнатьева. На повестке предполагавшихся к обсуждению проблем значились вопросы открытия мектебе и медресе, предоставления мусульманам права преподавать вероучение на родном языке учащихся и др. После Совещания, с началом работы Государственной думы, его материалы поступили в правительственные структуры, которые должны были осуществить пересмотр законодательства, регулирующего управление духовными делами мусульман. Однако после спада революционной активности народных масс действия в этом направлении для власти потеряли свою актуальность.

Лишь учебное ведомство проявляло последовательность и волю, рассмотрев накопившиеся проблемы в сфере религиозного и национального образования в новом формате – на межведомственном «Особом совещании по вопросам образования восточных инородцев» под председательством А.С.Будиловича (10 мая – 3 июня 1905 г.), в работе которого приняли участие как представители заинтересованных министерств и управлений, так и ученые тюркологи и исламоведы. Главными задачами Совещания стали пересмотр законов об «инородческих» школах восточной и юго-восточной части России и укрепление пошатнувшихся после смерти Н.И.Ильминского позиций системы начального образования «инородцев-христиан». Совещание, сосредоточив главное внимание на опасности, якобы исходившей от стремления татар Урало-Поволжья «отатарить весь русско-мусульманский мир», высказалось за преподавание в конфессиональных школах для башкир и каза-

хов на родном языке, чтобы пресечь усиление татарского влияния⁴.

На основе постановлений Совещания 1905 г. были составлены «Правила о начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» МНП от 31 марта 1906 г. Согласно этим «Правилам», в русско-инородческих школах разрешалось преподавать родной язык в первых двух классах и комплектовать их не по конфессиональному, а по этническому принципу, допуская совместное обучение мусульман и крещеных. Вся учебная мусульманская литература должна была быть издана в России, заграничные издания допускались только с разрешения местного инспектора «инородческих» школ (п.35) и т.д. «Правила» вводили контроль МНП над конфессиональными школами, что вызвало массовые протесты мусульман Поволжья и Приуралья. В результате по их требованию из «Правил» 1906 г. был изъят ряд положений: об «общем надзоре» за частными инородческими училищами, возлагаемом на инспекторов народных училищ, о русском образовательном цензе для заведующего училищем (не ниже одноклассного училища МНП), о порядке надзора за «инородческими» училищами, распространенном на мектебе и медресе, и т.д.

Новая редакция этих «Правил» получила название «Правила о начальных училищах для инородцев» от 1 ноября 1907 г., которые предоставляли максимум уступок в вопросе о языке обучения: разрешалось использовать родной язык как вспомогательный язык, при этом русский язык оставался главным учебным предметом (12 из 30 учебных часов в неделю). Из новых «Правил» были исключены все упоминания о мусульманских конфессиональных школах, в том числе пункт об организации русских классов при конфессиональных школах.

В результате вопрос о регулировании порядка открытия новых мектебе и медресе остался открытым⁵.

Подавление революции привело к свертыванию многих ранее официально заявленных правительственных начинаний. Более того, опасение распада империи и идея сохранения единой России сделали большинство титульного населения сторонниками великодержавной политики «твердой руки» в отношении поляков и других реакционных мероприятий по ограничению предоставленных самим же правительством, под напором Первой российской революции, прав финнам, украинцам и другим народам, действий, направленных на удушение национальной школы на Украине, усиления антисемитской политики и др.⁶ После подавления революции в русском обществе витала идея «Россия для русских».

Вскоре в коридорах власти заговорили об антигосударственных действиях джадидистов, обвиняя их в панисламистской и пантюркистской деятельности. По мнению известного специалиста по национальному вопросу в России В.С.Дякина, обвинения против татар сформировались под воздействием трех обстоятельств.

1. Устойчивое усиление джадидистского движения, устойчивый рост численности новометодных школ, открытая поддержка ОМДС с 1908 г. движения обновления среди мусульман. Власти считали, что пожертвования дают возможность создать особый орган управления мектебе и медресе. Представители джадидистского движения занимали лидирующие позиции в татарской и азербайджанской печати. А после младотурецкой революции 1908 г. появились группы младобухарцев в Бухаре и младохивинцев в Туркестане.

2. Росло недовольство населения Казахстана и Средней Азии полити-

кой правительства в регионах, в частности, переселенческой политикой и конфискацией земель для русских переселенцев, которые рассматривались властью как социальная опора самодержавия на окраине. В 1909 г. туркестанский генерал-губернатор П.И.Мищенко неоднократно сообщал «о крупнейшем перевороте» в настроениях местных мусульман, связанном с событиями как вне, так и внутри России (аграрная политика правительства). В Казахской степи усиливалась исламизация населения.

3. Джадидистское движение в Приволжских губерниях было признано идущим вразрез с интересами российской государственности, на что правящие круги ответили созывом Особого совещания 1910 г.

Рассмотрим более подробно причины и предпосылки созыва данного межведомственного совещания при МВД.

Действительно, большую роль в формировании стереотипов в кабинетах центральной власти играли докладные записки и рапорты представителей местной духовной, светской и военной администраций. В частности, в 1909 г. туркестанский генерал-губернатор модернизацию, наблюдавшуюся среди тюркских народов, рассматривал как составную часть обновленческих процессов в Индии, Персии, Турции и других странах. По его мнению, среди мусульман, наряду с идеями о социальном и политическом равенстве, главное место заняло осознание необходимости во что бы то ни стало «освободиться от поражения и опеки христианских народностей». Иначе говоря, в мировой колониальной системе, основанной на эксплуатации и порабощении мусульманских и других народов, наметились качественно новые явления. Обновление и европеизацию культурной и общественной жизни мусульманс-

ких народов в империи туркестанский генерал-губернатор оценивал не иначе как результат воздействия новых идей, которые проникали извне⁷.

Устойчивое представление о потенциальной турецкой угрозе на Кавказе у столичных сановников сформировалось уже в 1907 г. Об этом свидетельствует, в частности, всеподданнейшая записка «Рост панисламизма (Мысли, факты, наблюдаемые в продолжение 15-ти лет)» 1907 г. из Тифлиса, административного центра Кавказского наместничества. В ней утверждалось, что на Кавказе «во многих... крупных местечках и селениях живут представители или, вернее, пропагандисты панисламистского движения, из которых многие занимают видное общественное положение»⁸. Считалось, что со стороны Турции идет идеологическое воздействие на население российских окраин, которые относительно недавно, в середине XIX в., были присоединены к России. В этой связи привлекает внимание проект правительства по финансированию редакции журнала «Мусульманин»⁹. С такой просьбой редактор журнала Магомет-бек Хаджетлаше обратился в МВД в августе 1909 г. Разыгрывая карту панисламистской пропаганды на Кавказе из Стамбула, Магомет-бек предложил свои услуги, гарантировав, что публикации в журнале «Мусульманин» станут идеологическим противовесом распространению панисламизма в России. Правительство стало финансировать журнал¹⁰ и в 1911 г. дало разрешение на беспощинный ввоз из Парижа данного издания¹¹.

Если в модернизационных явлениях среди мусульман Кавказа власти отчетливо видели «турецкий след», то в Туркестане главными виновниками нововведений среди среднеазиатских мусульман назывались «поволжские татары-культуртрегеры»: именно они стали преподавать по звуковому

методу в мектебах и медресе, вводили в курс обучения новые светские предметы (современная география, история, арифметика). Считалось, что татарские интеллектуалы насаждали идеи «явно сепаратистского узко-национального характера», а созданные ими джадидистские школы, в случае отсутствия надлежащего контроля, могли стать «рассадниками не только панисламизма, но и пантюркизма или паназиятизма»¹².

В своей всеподданнейшей записке «Мусульманский вопрос», составленной по итогам ревизии Туркестанского края в 1909 г., сенатор К.К.Пален, под воздействием решений III Всероссийского мусульманского съезда и действий младотурков в Турции, пытался доказать, что под воздействием поволжских татар в регионе наметились обновление общественной и культурной жизни местного мусульманского населения, стремление «к установлению полного самоуправления в делах веры и народного образования и судебной обособленности в области семейного и наследственного права». Татарских джадидистов он называл не иначе как «передовыми исламистами», кардинальным образом искажая суть термина. По мнению К.К.Палена, татары мечтают «возбудить» среди мусульман России «угасшую идею солидарности и единства, как политического, так и религиозного», но самое главное – все новые явления в жизни коренного населения Туркестана он считал подчиненными этой цели и предлагал максимально усилить контроль над новометодными учебными заведениями, общественными деятелями новой волны, исламскими религиозными институтами, провести реформы по ускоренной интеграции края в политико-правовое пространство империи и т.д.¹³

К формированию такого предвзятого мнения о мусульманах Вол-

го-Уральского региона «приложили руку» некоторые региональные деятели, с мнением которых считалась центральная власть. Как правило, их мнение принималось за чистую правду или «домысливалось» под воздействием информации об обновлении общественной жизни в мусульманских странах и о неблагоприятной для российской государственной ситуации в западных губерниях и в Великом княжестве Финляндия. Важно также отметить, что ускоренное развитие татарской литературы и печати, европеизация национальной культуры в начале XX в., создание общероссийской мусульманской партии «Иттифак эль-муслимин» давали власти повод усматривать в новых явлениях зарождение сепаратизма среди российских мусульман.

Важнейшим направлением деятельности джадидистов на этой стезе признавалось распространение новометодного образования. Считалось, что стимулом к реорганизации традиционной мусульманской школы стали «Уфимское совещание» 1905 г.¹⁴ и III Всероссийский съезд мусульман в Нижнем Новгороде 1906 г., на которых констатировалась автономность татарского национально-религиозного образования и были выработаны определенные правила их жизнедеятельности. На совещании мугаллимов в Омске была разработана программа новометодного мектебе, согласно которой в татарской начальной школе должны были преподаваться светские предметы, восточные языки, основы ислама, а изучение русского языка не предполагалось¹⁵.

Модернизация социокультурной жизни татар, по мнению чиновников ДДДИИ, таила серьезную опасность: ее результатом могла стать организация в стране, главным образом на восточной окраине, «сплоченной группы мусульман, хотя и не явно враждебной,

но, во всяком случае, вполне обособленной от русской государственности и культуры». Считалось, что 15-миллионное мусульманское население, занимающее огромное пространство и сохранившее исторические и культурные традиции, получает через паломничество и торговое сотрудничество «непосредственную поддержку и руководство своим стремлениям от вожakov панисламизма из заграничных центров»¹⁶. Например, публикация в Казани в 1903 г. 250 татарских и мусульманских изданий общим тиражом 2,5 млн. экз., что превышало средние показатели русских изданий, оценивалась как действенное средство исламизации и татаризации. Другой пример: в 1909 г. в Казанской губернии у татар 1 учащийся приходился на 9 мусульман и 1 учащаяся на 12 мусульманок, тогда как у русских – 1 учащийся на 14 человек и 1 учащаяся на 55 женщин. Такое соотношение интерпретировалось как прорыв в системе исламского образования, хотя такое значительное различие наблюдалось еще в XIX столетии¹⁷.

Затяжной кризис православной «противомусульманской» миссии РПЦ вынуждал новое поколение казанских миссионеров действовать адекватно сложившейся ситуации: они стремились вовлечь государственный аппарат в антиисламскую кампанию, «доказывая» антироссийскую политическую направленность обновления общественной жизни татар-мусульман и европеизацию их культуры. Следует также отметить, что именно в Казанской губернии, где русские составляли более одной трети населения, в пореформенный период православно-исламские отношения имели обостренный характер. Это, прежде всего, объяснялось наличием здесь сильного антимусульманского миссионерского центра и экономически сильного исламского анклава.

В начале XX в. в губернии в ислам вернулись несколько десятков тысяч крещеных татар. В данном случае епархиальное руководство оказалось заложником миссионерской деятельности своих предшественников: в Казанской губернии проживало наибольшее количество представителей данной этноконфессиональной группы татар.

К движению массового возвращения крещеных татар в ислам, религию своих предков, примкнула и локальная группа чувашей и представителей финских народов. Миссионеры стали доказывать, что высокая динамика численности татар обеспечивалась не только естественным приростом, но и за счет перехода в ислам коренных народов региона, что являлось результатом активной миссионерской деятельности мусульман среди соседних народов. Такой однозначный вывод был сделан противомусульманским и противоязыческим епархиальным миссионером Казанской епархии С.Багиным в его записке «Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии и причинах этого печального явления» от 24 августа 1909 г.¹⁸ На основе сопоставления и подсчета сведений губернского статистического комитета за 1834 и 1904 гг. об изменении вероисповедания жителями он сделал вывод о том, что были исламизированы жители 3 удмуртских, 4 марийских и 10 чувашских селений (по сведениям «Сборника материалов по истории Казанского края» и «Списков Казанского учебного округа» за 1870 г.). Подобного рода записки формировали в правительственных кругах представление об ассимиляции татарами-мусульманами своих соседей.

Глубоко символично, что ключевую роль в пересмотре политики правительства в отношении татар-мусульман сыграла записка епископа

Мамадышского Андрея (в миру – князя А.А.Ухтомского) «О мерах к охранению Казанского края от постепенного завоевания его татарами» (1908 г.)¹⁹, само название которой задевало самолюбие русских патриотов. Записка была адресована председателю Совета Министров, министру внутренних дел П.А.Столыпину²⁰. Ознакомившись с посланием епископа Андрея, П.А.Столыпин распорядился отправить ему благодарственное письмо. Сама записка была направлена на рассмотрение и изучение в МНП, Министерство иностранных дел, Синод, губернаторам; ДДДИИ же было поручено собрать подробные сведения о социокультурных процессах, происходящих в татарском сообществе²¹.

В своей записке епископ Андрей утверждал, что происходит постепенное «завоевание» татарами Казанского и всего Прикамского края, понимая под этим понятием татаризацию (исламизацию) казахов, башкир, ногайцев, удмуртов, чувашей и марийцев; он предостерегал власть об опасности появления в центре России страшного врага, «который, вместе с Кавказом, может наделать русским величайших бед в критические минуты истории русской народности»²². Автор предложил целую программу мероприятий, «осуществление которых со стороны русского правительства необходимо в ближайшем будущем для охраны интересов русского народа»²³. Предложения духовного лица были внимательно изучены правительством.

Чтобы обратить внимание центральной власти и русской общественности на «татарский вопрос» и необходимость укрепления системы Ильминского, епископ Андрей использовал различные методы. Так, в 1909 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях» он опубликовал серию статей великодержавного характера под

общим названием «Лихолетье в жизни православия среди приволжских инородцев». В одной из своих статей православный священнослужитель назвал татар-мусульман «врагами русской государственности»²⁴, в следующей – «лояльными врагами» Российского государства. Таким образом, в период реакционного внутривосточного курса правительства П.А.Столыпина, даже в мирное время, татары внутренних регионов России за то, что исповедуют ислам, стали ассоциироваться с врагами Отечества. Статьи казанского миссионера привлекли внимание столичной периодики и общестественности. Редакция газеты «Новое время» в статье «Магометанская агитация» (от 3 мая 1909 г.) «подтвердила» существование с 1905 г. среди приволжских татар идеи «Тюркистана», согласно которой «вокруг древней столицы Булгар в пределах Казанской, Симбирской, Оренбургской и Уфимской губерний возникнет особое автономное государство «Тюркистан» из народов тюркского племени»²⁵.

На «Петербургские письма» казанского миссионера отозвался публикациями еженедельник правой фракции Государственной думы «Прямой путь». «Русское знамя» перепечатало статью епископа Андрея, поставив на повестку дня вопрос о необходимости противодействия со стороны правительства пропаганде ислама и «наступлению» мусульман²⁶.

Таким образом, можно начертить следующую схему подготовительного этапа Особого совещания: «казанский миссионер епископ Андрей» – «П.А.Столыпин» – «центральные ведомства» – «губернаторы». Как видно, епископу Андрею удалось подключить к решению церковных проблем государственную машину империи. Его антимусульманские тезисы уже поступили в канцелярии губернаторов как предписания

П.А.Столыпина о выявлении фактов, о которых сообщал казанский миссионер. МВД разослало губернаторам циркулярное предписание от 5 марта 1908 г. за № 615 о выявлении «частных мугаллимов», получивших образование за границей. «Получив в большинстве случаев образование за границей (в Турции, Египте или иных мусульманских странах), лица эти, без предварительной проверки их познаний и личных качеств в нравственном и политическом отношении со стороны подлежащих гражданского и духовного начальств и без всякого надзора со стороны последних, занимаются обучением магометанского юношества как в учрежденных для него вероисповедных школах – медресе и мектебе – наряду с заведующими оными учителями-муллами, так и в частных домах, по методу обучения, существенно отличающемуся от ныне применявшегося в мусульманских школах законными их учителями муллами», – отмечалось в циркуляре. Было объявлено, что в создавшихся условиях деятельность новометодистов может «угрожать интересам государственного порядка». Так началось последовательное и пристрастное изучение их деятельности.

Казанский губернатор, очевидно, был информирован о том, что епископ Андрей получил благодарность П.А.Столыпина. В российских реалиях такой знак внимания означал высокую степень влиятельности данного лица в правительственных кругах. Действуя в унисон, М.В.Стрижевский подписал 4 апреля 1909 г. циркуляр о принятии полицией самых решительных мер «по ограждению православного населения от пропаганды агитаторов и к пресечению самой пропаганды со стороны последних». Однако независимо друг от друга все уездные исправники сообщали об отсутствии какой-либо «правильно пос-

тавленней пропаганды», только мамадышский исправник информировал о существовании исламской пропаганды среди удмуртов. Он утверждал, что «целью пропаганды является не только распространение магометанского учения в узком значении этого слова, но и более широкие задачи, направленные к объединению всего инородческого населения для создания в России особого автономного государства»(!)²⁷. Невольно возникают вопросы: как могли распространиться среди татарских крестьян такие политические идеи и планы? Не «приложил ли руку» к рапорту уездного исправника епископ Мамадышский Андрей?

Таким образом, в Казанской губернии начал действовать тандем духовной и светской властей. Началась «охота на ведьм», которую санкционировало правительство и требовала консервативная часть русского общества. В ответ на публикации в центральной прессе о якобы реально существовавшей угрозе от татар интересам Российского государства необходимо было искать эту угрозу. В Казанской губернии ее старательно искали и успешно находили. Весной 1908 г., «как наиболее влиятельные члены младотурецкой партии», из Казани в ссылку были отправлены муллы Салихжан и Галимжан Галеевы и Абулгамид Казаков.

Губернатор М.В.Стрижевский в своем секретном представлении от 12 июня 1909 г. сообщал правительству, что якобы проводниками идеи создания автономного государства на территории России являются «члены младотурецкой партии, к числу которых принадлежат молодые муллы и воспитанники татарских медресе, а также интеллигентная и полуинтеллигентная татарская молодежь». Его секретная депеша завершалась словами: «Записка преосвященного Андрея, епископа Мамадышского, в которой

приводится целая система мероприятий против постепенного завоевания татарами Казанского края, по мнению моему, заслуживает самого серьезного обсуждения»²⁸.

Важно отметить, что свой вклад в усиление негативного образа мусульман-джадидистов внесла региональная русская черносотенная общественная организация – Казанский отдел «Союза русского народа», которая весной 1909 г. обратилась в Св. Синод с «докладной запиской» о существовании широкомасштабной пропаганды ислама, проводимой татарами среди «инородческого» населения губернии²⁹. Так создавалась видимость озабоченности широких слоев русского населения Казанской губернии активизацией деятельности татар-мусульман.

Особое внимание П.А.Столыпина к мнению епископа Андрея упрочило позиции последнего и в Св. Синоде. Православное ведомство стало «рупором» доведения до правительства его инициатив. В своем письме от 7 июля 1909 г. епископ Андрей просил обер-прокурора Св. Синода обратиться к гражданской власти с заявлением о необходимости устранения «главнейших причин» усиливающейся пропаганды ислама и татаризации инородцев. Обер-прокурор Св. Синода С.М.Лукиянов обратился к П.А.Столыпину с просьбой принять соответствующие меры³⁰. Согласно изученной нами делопроизводственной документации, непосредственным поводом к подготовке Особого совещания послужило сообщение обер-прокурора Св. Синода от 20 июля 1909 г. (составленное на основании депеш казанских миссионеров). 10 августа ДДДИИ запросил у Департамента полиции информацию о мусульманско-татарской пропаганде в Волго-Уральском регионе, отметив, что «в пределах Казанской

и сопредельных губерний замечается в настоящее время усиленная мусульманская пропаганда, направленная против последователей православной веры ... во главе этого движения стоят мусульманское духовенство прогрессивного направления и члены младомусульманской партии, задавшиеся целью объединить местное население в особое автономное государство»³¹. 17 августа Департамент полиции представил такую аналитическую записку. И механизм подготовки совещания был запущен.

В своем ответном, «доверительном» письме от 19 сентября 1909 г. обер-прокурору Св. Синода П.А.Столыпин отмечал, что с 1905 г. повсеместно у татар возросли интерес к просвещению, стремление к сознательной жизни, к национальному самоопределению, что сила татарского населения заключается «в воодушевлении национально-религиозной идеей панисламизма. Хотя эта идея не проникла в глубину слоев всего населения, но вся важность ее для нашего государства не подлежит сомнению»³². Государственный деятель подчеркнул, что «всякое активное проявление магометанства в той или иной форме, или в той или иной части империи заслуживает самого серьезного внимания, самой решительной борьбы со стороны правительства»³³. П.А.Столыпин выразил твердое убеждение в том, что работа правительства в Поволжье и, в частности, в Казанском крае должна идти рука об руку с РПЦ: «Только в этом случае можно рассчитывать на вящий успех в деле». Он пригласил на запланированное межведомственное Особое совещание по обсуждению указанных в депеше казанского миссионера проблем самого автора – епископа Андрея, председателя «Братства Святителя Гурия» и ректора КДА, епископа Чистопольского Алексея³⁴.

Правомерно задаться вопросом: почему Особое совещание 1910 г. ограничилось выработкой мер противодействия татарско-мусульманскому влиянию в локализованном властью Волго-Камском крае, по сути, Казанской и Вятской губерниями, хотя аналогичные общественные и социокультурные процессы среди татар происходили и в соседних губерниях. Ответ на вопрос заключается в чрезвычайной активности казанских миссионеров новой волны, чьи письма, записки-доносы через обер-прокурора Св. Синода поступали к всевышнему П.А.Столыпину. Их мысли и идеи во многом оказались созвучны с концепцией председателя Совета Министров, претворявшего в жизнь лозунг «Сильная и неделимая Россия».

Согласно полученным к октябрю 1909 г. рапортам-ответам на предписание МВД от 5 марта от руководителей Астраханской, Уфимской, Костромской, Нижегородской, Симбирской, Саратовской губерний, местные мугаллимы имели российское исламское религиозное образование. А ответы от начальников Казанской, Оренбургской, Самарской губерний, Тургайской области, Санкт-Петербургского градоначальника, Иркутского и Степного генерал-губернаторов запаздывали.

Примечательно, что жандармские управления губерний Волго-Уралья в 1909 г. подтвердили несостоятельность обвинений «новых мугаллимов» в распространении революционных идей и незыблемость верноподданнического отношения мусульманского населения к политическому строю. Вместе с тем жандармами были выявлены единичные случаи причастности джадидистов-мугаллимов к распространению панисламизма. Оказалось, что в Казанской губернии «панисламисты стараются пробудить в мусульманском населении России

национальное чувство, стремясь к культурно-религиозной автономии, – национализировать школы. В дальнейшем сторонники этого направления мечтают о союзе с Туркестаном и Кавказом, вплоть до образования все-тюркской республики»³⁵. В сфере начального образования панисламисты задались целью создания национальной школы путем преобразования старометодных мектебов. По сведениям жандармов, в Казани в руках панисламистов находились три медресе – Галеевское («Мухаммадия»), Апанавское («Кул буе») и Амерхановское – преподавание в них велось на татарском языке, арабские учебники заменялись турецко-татарскими, преподаватели нередко обсуждали с учащимися политические вопросы, использовали в учебном процессе зарубежные издания. В Уфимской губернии в панисламизме был обвинен лишь заведующий медресе «Галия» (г.Уфа) Зыя Камали. В Оренбурге в мае 1909 г. был произведен обыск в книжном магазине, которым заведовал Тимурша Соловьев, и за Т.Соловьевым было установлено полицейское наблюдение³⁶. Единичные случаи голословных, по сути своей, разоблачений должны были сформировать в правительственных кругах мнение о неправомерности обвинений татар в распространении панисламизма или пантюркизма, в намерении создать автономное государственное образование. Однако традиционное недоверие к исламу и мусульманам, боязнь непредсказуемости последствий обновления и европеизации татарского сообщества не позволили правительству сформировать представление о реальном положении дел.

Верно определив политическую конъюнктуру, активизировали свою деятельность муллы-традиционалисты. Ожесточилось их противостояние с джадидистами, которое, кроме идеологического аспекта, имело кон-

кретную материальную подоплеку: речь шла о разделе финансов в сфере школьного образования, поступавших от родителей учащихся и меценатов. Кадимисты, вслед за казанскими миссионерами, стремились одолеть своих оппонентов, используя для этого административный ресурс³⁷. В феврале 1908 г. в МВД поступило заявление татарских мулл Оренбургской губернии о вредной преподавательской деятельности «мугаллимов», джадидистов – имама г. Челябинска Мухамадмунира Мухамадгадеева, выпускника медресе «Мухаммадия», и Тимурши Соловьева, редактора журнала «Чукеч» (г.Оренбург)³⁸. В августе 1908 г. муллы-кадимисты Казанской губернии направили на имя П.А.Столыпина заявление «Изложение истины», в котором обвинили учителей-джадидистов в панисламистской и революционной деятельности. Дав список новометодных мусульманских школ, муллы, прежде всего, обратили внимание на казанское медресе «Мухаммадия» и, с целью ограничения влияния сторонников реформирования школьной и религиозной жизни, предложили не допускать его выпускников к духовным должностям³⁹.

Немаловажное значение в понимании чиновниками МВД сути христианского просвещения коренных народов края и основных тенденций, существующих в системе образования татар-мусульман, имели материалы, принадлежащие перу семейной четы Бобровниковых. Н.А.Бобровников не владел языками народов Поволжья, однако после кончины в 1891 г. своего отчима Н.И.Ильминского (усыновившего его после смерти отца – востоковеда А.Бобровникова) был определен директором Казанской учительской семинарии. В 1906–1908 гг. был попечителем Оренбургского учебного округа, в 1909–1917 гг. – членом Совета министра народного просвещения.

В своей депеше от 20 апреля 1908 г., адресованной в МНП, Н.А.Бобровников обвинил редакцию журнала «Маглюмат махкамияи шаргияи Ырымбургия» («Вестник Оренбургского магометанского духовного собрания») в пропаганде развития сети новометодных школ⁴⁰; он считал, что идеи редакции идут вразрез с деятельностью учебного ведомства, направленной на объединение всех подданных Российской империи в общеобразовательной школе с преподаванием в ней не турецкого, а русского языка⁴¹.

На основании объемной «Справки о мугаллимах и их новометодном направлении», которая, видимо, была составлена Н.А.Бобровниковым по запросу одного из центральных ведомств, в МВД чиновниками была подготовлена специальная справка.

Сотрудники МВД внимательно ознакомились и с текстами докладов супруги Н.А. Бобровникова – Софьи Васильевны (псевдоним – Чичерина С.) – специалиста по христианскому просвещению коренных народов Среднего Поволжья, прочитанных в Обществе востоковедения и в отделе этнографии Императорского Русского географического общества: «Положение просвещения приволжских инородцев» (СПб., 1906), «О приволжских инородцах и современном значении системы Н.И.Ильминского» (СПб., 1906), и ее статьей «Как началось дело просвещения восточных инородцев», напечатанной в «Журнале Министерства народного просвещения». По материалам С.В.Бобровниковой также был составлен «краткий конспект» для представления руководству ДДДИИ⁴².

Разработанные в ДДДИИ группы проблем, которые в целом позволяют определить интересы правительства по выявлению источников распространения панисламизма и пантюризма в Поволжье, это:

1) вопросы, связанные с постановкой начального образования среди «инородцев»-христиан и язычников (современное положение начального образования среди инородцев; система обучения; преподавание русского языка; положение учебных заведений, выпускающих контингент «инородческих» учителей);

2) вопросы, связанные с миссионерской деятельностью среди язычников;

3) вопросы, связанные с положением начального образования у мусульман: определение типов конфессиональных школ и их деятельность; степень осуществления учебной инспекции предоставленного ей законом от 24 ноября 1874 г. права контроля за мектебами и медресе; возможные улучшения в этом деле; надзор за деятельностью мугаллимов; выработка мер для недопущения открытия профессиональных школ с общеобразовательным курсом;

4) вопросы, обусловленные необходимостью введения системы своевременной осведомленности администрации и учебного начальства с жизнью мусульманского мира: осуществление систематического обозрения мусульманской печати; учреждение специальных курсов для создания группы лиц, практически знающих инородческие языки; организация подобных курсов; привлечение окончивших эти курсы к деятельности на местах;

5) вопросы, связанные с необходимостью ослабления татарского влияния на мусульман других этнических групп (народностей)⁴³.

На заседании совещания от 29 января 1910 г. Н.А.Бобровников точно определил главную цель этого государственного мероприятия: «положить преграду сплочению мусульман во всетатарство и оградить мелкие инородческие племена от отатаривания».

По мнению П.А.Столыпина, панисламистская и пантуранская (пантюрская) деятельность татар проявлялась: «1) в совершившемся в 1905 г. отпадении нескольких десятков тысяч крещеных инородцев (частью тюркского, частью финского происхождения) в мусульманство и в интенсивно поставленной пропаганде мусульманства как среди слабых в вере крещеных инородцев Поволжья, так и среди полуязыческих племен северо-восточной России; 2) в постепенном сосредоточении всей области духовного и культурного просвещения мусульман восточных и среднеазиатских областей в руках татарского и прошедшего татарскую школу духовенства; 3) в развитии под видом допущенных законом мусульманских конфессиональных школ (мектеб и медресе) обширной сети общеобразовательных инородческих учебных заведений со специфическим татарским оттенком; 4) в создании целого ряда мусульманско-татарских духовно- и культурно-просветительных и благотворительных учреждений, книгоиздательств, периодических изданий и т. п. начинаний, имеющих прямым назначением проводить в широкие слои народных масс начала татарско-мусульманской культуры; 5) в явно недоброжелательных, а часто и открыто враждебных выступлениях татарской интеллигенции и татарской печати против государственности и русской народности и 6) в нескрываемом тяготении к зарубежному мусульманству, установлении постоянных сношений с Турцией и Египтом, воспитании молодежи в турецких учебных заведениях и т.п.»⁴⁴.

В Волго-Уральском регионе пиком активности лидеров тюркских народов России, направленной на консолидацию интеллектуальных сил на почве языка и культуры, на формирование общетюркского общественно-

культурного движения, стали 1906 и 1907 гг., когда были проведены III съезд партии «Иттифак аль-муслимин» и выборы во 2-ю Государственную думу, приведшие к избранию депутатами 36 мусульман, 30 из которых сформировали самую многочисленную в истории Мусульманскую фракцию, выработавшую свою программу на основе программы «Иттифак аль-муслимин». Однако государственный переворот, новый избирательный закон от 3 июня 1907 г. и наступившая вслед реакция в России разогнали Государственную думу, определили новый порядок выборов в ее состав, игнорирующий гражданские права многих мусульманских народов окраин. Резкие перемены во внутривосточном курсе правительства, широкое наступление на татарскую демократическую печать привели татарское общественное движение в замешательство, резко упала активность партии «Иттифак аль-муслимин», она, по сути, вскоре превратилась в номинальную общественную организацию. Наиболее активно пантюркистские идеи в своих статьях публично излагали Ахмет Агаев, Алимардан Топчибашев и другие азербайджанские общественные деятели. Эти публикации были объектом пристального внимания французского журнала «Обозрение мусульманского мира» («Revue du monde musulman»), свидетельствующим об обеспокоенности определенных кругов колониальных держав возрождением Востока.

Время показало необоснованность опасений правительства. Если даже и имели место подобные мысли и суждения среди отдельных татар и в публикациях, то они не были материализованы ни в форме систематической пропаганды или агитации, ни в виде каких-либо общественных организаций или программных документов. Попытки издавать национальную пе-

риодику на общем для тюркских народов языке «тюрки» также, в конечном счете, не увенчались успехом.

Таким образом, под воздействием внешних и внутренних факторов к борьбе с пантюркизмом и панисламизмом среди татар-мусульман Поволжья в 1908–1909 гг. «подключились» тесно взаимодействовавшие ведомства, сообщавшие друг другу поступающие с мест доносы или обращения духовных лиц и администрации – МВД, МНП, Св. Синод. Привлечение Департамента полиции придало «делу» отчетливое политическое содержание. Возникла необходимость совместного обсуждения поступившего материала перед принятием новых мер. Глубоко символично, что именно представители трех выше-названных ведомств стали главными действующими лицами «Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае» (12–29 января 1910 г.), организованного по инициативе премьер-министра П.А.Столыпина и проходившего под председательством директора ДДДИИ А.Н.Харузина⁴⁵.

Помимо епископов Андрея и Алексия из Казани православное ведомство на Совещании представлял чиновник особых поручений по делам миссионерства при обер-прокуроре Св. Синода В.М.Скворцов и уже после начала заседаний (15 января) обер-прокурором Св. Синода М.С.Лукияновым были дополнительно заявлены: наблюдатель церковно-приходских школ и школ грамоты православного ведомства А.М. Ванчаков и делопроизводитель статистического отделения при Училищном совете при Св. Синоде, специалист по христианскому просвещению удмуртов П.Н. Луппов⁴⁶.

Обер-прокурор не ошибся относительно высокой активности казанс-

ких миссионеров. Ректор КДА епископ Алексей к письму от 4 января, адресованному директору ДДДИИ А.Н.Харузину, приложил тексты своих докладов «Современные движения среди русских мусульман» и «О желательности постановки Миссионерского отделения при Казанской духовной академии в интересах противомусульманской миссии» для оглашения в комиссии, призванной выяснить положение Поволжского края в культурном отношении, обещав подготовить еще один доклад, посвященный духовно-просветительским мерам⁴⁷. Епископ Алексей в своем первом докладе определил три основных направления правительственных и церковных мероприятий, направленных на борьбу с татарско-мусульманским общественно-культурным движением: *религиозное, школьно-образовательное и административное*, что было принято во внимание организаторами Совещания 1910 г.

Учебное ведомство рекомендовало в состав участников совещания членов Совета министра народного просвещения Н.А.Бобровникова (бывшего попечителя ОУО) и С.Ф.Спешкова, директора Департамента народного просвещения С.И.Анцыферова, помощника попечителя Санкт-Петербургского учебного округа А.А.Остроумова (бывшего помощника попечителя КУО)⁴⁸.

Были также приглашены начальники губерний Волго-Камья: казанский губернатор М.В. Стрижевский и вятский губернатор П.К. Камышанский.

Первое заседание Особого совещания открылось 12 января в 11.00 часов в зале Совета по делам местного хозяйства (ул.Морская, д.61)⁴⁹, последнее заседание состоялось 29 января.

Таким образом, пересмотр этноконфессиональной политики самодержавия в пореформенный период происходил в значительной степени под

воздействием запугивания духовной властью исламской угрозой в Волго-Уральском регионе. Модернизационные процессы в татарско-мусульманском сообществе начала XX в. сановниками во многом воспринимались как составная часть обновленческих процессов в мусульманском мире, прежде всего в Османском государстве. Хотя, конечно же, прямого воздействия со стороны мусульманского мира на российских мусульман в этой сфере не происходило. Специальное рассмотрение на высшем уровне проблемы противодействия татаризации в Волго-Вятском регионе, несмотря на то, что модернизационные процессы среди мусульманского населения в Уфимской и Оренбургской губерниях имели более динамичный характер, на наш взгляд, было обусловлено, прежде всего активностью представителей казанской антимусульманской миссионерской школы, традиционно сложными православно-исламскими отношениями в крае, которые после первой русской революции достигли высшего напряжения под воздействием массового возвращения номинальных христиан – крещеных татар – в веру своих предков, закона от 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания, лишившего РПЦ традиционных рычагов миссионерского воздействия на коренные народы. Важное значение также сыграли обозначен-

ные правительством П.А.Столыпина приоритеты во внутривластном курсе правительства, который с 1909 г. приобрел отчетливый реакционный характер и поставил во главу угла решения «национального вопроса» в империи административные и силовые методы. Самое опасное – вслед за миссионерами, благодаря публикациям в периодике, о панисламизме и пантюркизме заговорили консервативные русские общественные организации, распространяя исламофобию на широкие слои русского общества. Поэтому трудно сказать, какую роль сыграли уже принятые на заметку правительством решения Особого совещания 1910 г., если бы не убийство П.А.Столыпина в 1911 г.

Время доказало надуманность и предвзятость прогнозов об ассимиляции татарами нерусских народов, о создании татарами-мусульманами государства «Тюркистан», самое главное – идеи панисламизма и пантюркизма в Поволжье и Приуралье не получили практического воплощения. Более того, как показали революционные события 1917 г., главная угроза существующему режиму и государственной целостности страны исходила отнюдь не от мусульман, а от революционных деятелей, получивших немусульманское конфессиональное образование и семейное воспитание.

Список сокращений

- ДДДИИ – Департамент духовных дел иностранных исповеданий
- КДА – Казанская духовная академия
- КУО – Казанский учебный округ
- МВД – Министерство внутренних дел
- НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
- ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
- ОУО – Оренбургский учебный округ
- РГИА – Российский государственный исторический архив
- РПЦ – Русская православная церковь

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Фархиаатов М.Н.* Самодержавие и традиционные школы башкир и татар в начале XX века (1900–1917 гг.). – Уфа, 2000. – С.156.

² Высочайше утвержденное 17-го апреля 1905 г. положение Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости // О веротерпимости. Закон 17 апреля 1905 года. Издание неофициальное. – М., 1905. – С.7.

³ НА РТ, ф.4, оп.1, д.122760, л.48 об.

⁴ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (начало XX в.) // Вопросы истории. – 1996. – № 11–12. – С.42–43.

⁵ *Дякин В.С.* Указ. соч. – С.43.

⁶ *Дякин В.С.* Указ. соч. – С.39–53.

⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.801, л.3–3 об.

⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.416.

⁹ Журнал был основан в 1908 г. на средства кружка кубанских черкесов. После младотурецкого переворота в Турции (1908 г.) между кружком и редактором возникли разногласия по поводу направленности журнала, и в 1909 г. из-за отсутствия средств издание было приостановлено.

¹⁰ *Серова Е.А.* «Мусульманин» // Татарская энциклопедия. Т.4. – Казань, 2008. – С.295.

¹¹ *Хайрутдинов Р.* «Мир ислама»: из истории создания журнала // Мир ислама. – 1999. – №1. – С.9.

¹² РГИА, ф.821, оп.8, д.801, л.17.

¹³ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.393–415.

¹⁴ Протокол Уфимского губернского совещания, образованного с разрешения г. министра внутренних дел из доверенных башкирских волостей Уфимской губернии для обсуждения вопросов, касающихся магометанской религии и вообще нужд башкирского населения, 22, 23 и 25 июня 1905 г. – Уфа, б.г.

¹⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.253 об.–254 об.

¹⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.253 об., 257–257 об.

¹⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.253.

¹⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.423–426 об.

¹⁹ Это произведение епископа было издано отдельной брошюрой и сыграло свою роль в формировании соответствующего общественного мнения.

²⁰ Из истории национальной политики царизма // Красный архив. – 1929. – № 35. – С.107.

²¹ *Махмутова А.Х.* Лишь тебе, народ, служенье! (История татарского просветительства в судьбах династии Нигматуллиных-Буби). – Казань: Магариф, 2003. – С.238–239.

²² РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.163.

²³ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.166 об.

²⁴ Епископ Андрей. Лихолетье в жизни православия среди приволжских инородцев. (Статьи из С.-Петербургских ведомостей, 1909 г., май). С приложением письма Н.О. преосвященнейшему Димитрию, епископу Туркестанскому. – Казань: типо-литогр. унта, 1909. – С.28.

²⁵ Новое время. – 1909. – 3 мая. РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.36.

²⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.35.

²⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.37 об.

²⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.38 об.

²⁹ Саматова Ч.Х. Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Казанского учебного округа): Дисс. ... канд. ист. наук. – Казань, 2008. – С.195.

³⁰ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.39–39 об.

³¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.49.

³² РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.51–52.

³³ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.51–52 об.

³⁴ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.53 об.

³⁵ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.56–56 об.

³⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.56–60.

³⁷ Справедливости ради следует отметить, что в конце XIX в., когда учителя русского языка считались проводниками правительственной политики по распространению русского образования, они порой использовали административный ресурс для давления, снятия с должности и ссылки мулл-традиционалистов, противостоящих посещению шакирдами медресе русского класса или русско-татарской школы и настраивающих против них местных жителей.

³⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.91–91 об.

³⁹ *Аршаруни А., Габидуллин Х.* Очерк панисламизма и пантюркизма в России. – М.: Безбожник, 1931. – С.123–129.

⁴⁰ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.22.

⁴¹ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.24 об.

⁴² РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.93–98.

⁴³ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.253 об., 258–259.

⁴⁴ РГИА, ф.821, оп.138, д.132, л.68–68 об.

⁴⁵ *Махмутова А.Х.* П.А. Столыпин: направить «серьезные усилия к пресечению национально-татарского натиска» // Эхо веков. – 1998. – № 3/4. – С. 71.

⁴⁶ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.81–81 об.

⁴⁷ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.121.

⁴⁸ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.98. Наряду с противомусульманскими изданиями казанских миссионеров сотрудниками ДДДИИ директору Харузину была также передана книга Г.С.Саблукова «Приложения к переводу Корана. Вып. I» (Казань, 1879) (РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.98).

⁴⁹ РГИА, ф.821, оп.8, д.800, л.144.

Аннотация

В статье на основании архивных материалов рассматриваются основные причины предпосылки подготовки и созыва Особого совещания по выработке мер для противодействия татарско-мусульманскому влиянию в Приволжском крае 1910 года.

Ключевые слова: панисламизм, пантюркизм, джадидизм, этноконфессиональная политика самодержавия в отношении татар, межконфессиональные отношения.

Summary

In article on the basis of archival materials are considered the main reasons for the background and the convening of a Special Meeting to develop measures to counter the Tatar-Muslim influence in the Volga region in 1910.

Keywords: pan-Islamism, pan-Turkism, jadidism, national religious and ethnic policy of autocracy against the Tatars, inter-confessional relations.